

И.Т. Касавин
«Гуманитарное знание и социальные технологии»

Сегодня мы живем в искусственном мире, мире культуры и только во вторую очередь и при посредстве культуры – в мире природы. Культура, понятая как вторая природа, - образ, известный, по крайней мере, со времен К. Маркса. Сегодня культура приобретает вид универсальной техники, призванной продолжить и усовершенствовать природу человека, освободить его. Однако всякий предмет, созданный человеком и в его целях, обладает способностью обособиться от своего творца и обрести незапланированные и даже враждебные ему свойства. Отсюда проблематичность свободы, достигаемой человеком за счет техники.

«Сейчас обнаруживается то, что Ницше уже метафизически понимал, - что новоевропейская «механическая экономика», сплошной машинообразный расчет всякого действия и планирования в своей безусловной форме требует нового человечества, выходящего за пределы прежнего человека. Недостаточно обладать танками, самолетами и аппаратурой связи; недостаточно и располагать людьми, способными такие вещи обслуживать; недостаточно даже просто овладеть техникой, словно она есть нечто в себе безразличное, потустороннее пользе и вреду, строительству и разрушению, применимое кем угодно и для любых целей. Требуется человечество, которое в самой своей основе соразмерно уникальному существу новоевропейской техники и ее метафизической истине, то есть которое дает существу техники целиком овладеть собою, чтобы так непосредственно самому направлять и использовать все отдельные процессы и возможности»¹.

Эта мысль М. Хайдеггера о технологизации самого человека имеет многообразные следствия, в частности, для понятия «социальные технологии» (СТ), которое становится особенно популярным в социально-политическом дискурсе наших дней. Ниже мы попробуем применить его в рамках философии науки, связав с понятием междисциплинарности.

К терминологии и причинам ее туманности

Тотальная власть техники проявляется сегодня, среди прочего, в мощном мировоззренческом влиянии того, что можно назвать «техномифами». Это накладывается, вместе с тем, на слабую философско-методологическую проработанность популярных концептов современного технодискурса и порой приводит к частичному отождествлению социальности и техники (в рамках движения «Social Studies of Science and Technology»), социальности и компьютерной коммуникации (чему служит понятие «social software»), техники и знания (известное понятие «общество знания», или «knowledge society»). В этом схватывается нечто весьма важное для современности, а именно, коммуникативная природа техники и технологии, преувеличение роли которой, однако, граничит с ее очеловечиванием, с заменой человека как социального и культурного субъекта техническим устройством в тех измерениях, которые в принципе не подлежат этому. Мы не будем поднимать здесь тему «бунта против машин», которая в разные эпохи отмечена своими историко-культурными особенностями, но лишь еще раз обратим внимание только на неустранимость различия между творцом и продуктом, о котором скажем ниже.

К типологии и определению СТ

Парадокс труда как процесса может быть схвачен в образе «черного ящика»: из природы субъекта труда и характера процесса нельзя вывести характер продукта. Природа СТ отличается тем же: ее продуктом может быть что угодно, но всегда нечто, несводимое к

¹ Хайдеггер М. Европейский нигилизм. // Проблема человека в западной философии. М., Прогресс, 1988. С. 285.

самой ее структуре. Отсюда несостоятельность попыток дать типологию СТ по их предмету или продукту. Какие же СТ можно себе все же помыслить? Очевидно, что сфера разработки и реализации СТ очерчивается некоторыми общими концептуальными парами типа «управляемое-стихийное», «труд-рекреация», «профессиональное-дилетантское». Такими образом СТ – это формы и способы профессиональной трудовой деятельности по управлению социальными процессами, группами и отдельными индивидами. В чем же специфика такого управления?

Во-первых, на поверхности находится связь СТ с социальными науками: это многообразие социальных практик, порождаемое ими. Примерами могут служить психотерапевтическая помощь, социологические опросы, практики языкового перевода, судебный процесс, практики консультирования, управление производством и т.п. Второе основание для выделения СТ – это то, что они характеризуются именно специфической природой человеческой деятельности (психосоматическими навыками и приемами, языком, мыслительными и эмоциональными процессами), а не используемыми искусственными орудиями, приборами, приспособлениями. Кроме того, природа и значение технологии вообще определяется тем, как она используется – как безличный алгоритм операций или субъективно окрашенная деятельность. СТ – это технологии, в которых важное место занимает субъект с его знаниями и убеждениями, навыками и привычками, языком и традициями.

Наконец, в качестве третьего основания мы возьмем собственно социальную функцию СТ – их способность опосредовать собой формирование и внутреннюю регуляцию деятельности социальных групп. Представляется, что как раз эти свойства СТ не учитываются в доминирующих подходах к анализу техники, которые исходят из понимания техники как формы власти человека над природой и противопоставляют технику и социальность.

Имеет смысл дать перечень трех групп понятий, в контексте которых СТ могут получать свое определение и проблематизацию. Это а) «управление», «обучение», «экспертиза», «программирование сознания», «социальная инициатива»; б) «свобода», «коммуникация», «ситуация», «информация», «субъективность»; в) «социальный институт», «организация», «бюрократия», «технократия», «общество знания» и некоторые другие. Первая из них включает уже хорошо известные формы СТ, вторая – предпосылки СТ, а третья относится к возможным заказчикам и сферам реализации СТ.

К российским предпосылкам проблемы: критика и апология СТ

Применительно к российским условиям, но не только актуальным является вопрос: кому выгодно? Кому нужны в нашем обществе социальные технологии, кто их способен финансировать? Это вопрос о том, в чем нуждается Россия в первую очередь: в открытости, в свободе информации и волеизъявления, в контроле над властью или – в механизмах эффективного управления массами, в способах властного воздействия на общественное сознание.